

— Звезды оказались здесь! — закричал Лапель, показывая на глаза Лизель так, словно он совершил великое открытие.

«Ах, сердце сжимается».

Мальчик, указав на ее глаза, сказал, что те похожи на яркие звезды, и это было настолько мило, что у нее закололо в груди. Соблазнительные слова, которые часто использовали мужчины, чтобы покорить женщин, слетали с милых губ Лапеля так легко и непринужденно, что для нее это звучало как лучшая похвала.

«Да как он выбирает такие прекрасные слова? Он меня покори!».

— Спасибо тебе, Лапель.

Они улыбнулись друг другу.

Такая теплая и дружелюбная улыбка принесла бы наслаждение каждому, кто ее увидел.

Лапель рассмеялся, но начал зевать прямо у Лизель на руках.

— Ах...

— Хм... Кажется, столь долгая дорога тебя утомила.

Когда она выглянула в окно и уже приготовилась идти в постель, кое-что привлекло ее внимание.

Темный силуэт под окном. Черные волосы сливались с мглой, но в свете луны их было хорошо видно.

Это был герцог Честер. Чем бы он ни был занят посередь ночи, это привело его во двор.

«У него есть ко мне какое-то дело или нет?».

— Ах, Лапель, давай-ка спать.

Лизель фыркнула и быстро повернулась к окну спиной.

«Я не хочу его снова видеть».

Лапель уже спал у нее на руках.

Она тихо развернулась, чтобы не разбудить его.

На следующий день.

Веразель отправилась домой к барону еще до рассвета, чтобы объяснить родителям, что случилось у герцога.

— Так что не беспокойтесь слишком сильно, — усмехнувшись, сказала девушка. Она старалась успокоить родителей, но барон и его жена не могли так легко отпустить свои тревоги.

— Неужели это.... Не будет ли слишком неудобно для тебя оставаться у герцога?

— Думаю, что это будет лучше. Это нужно для безопасности Лапеля, для моей и для безопасности моих мамы и папы, — Веразель крепко сжала руку матери.

«Мы с дочерью не жили врозь ни разу за прошедшие двадцать лет, и вдруг она говорит, что на месяц уедет к герцогу... Конечно, мы, родители, беспокоимся».

— Тогда оставь Лапеля там и возвращайся одна...

— Что, если он не выплатит мне вознаграждение?

— Герцог не может так поступить.

— Если мы говорим именно о нем — этот может, — уверенно сказала Лизель.

«Герцог, с которым я говорила вчера, как раз из таких людей. Так что у меня нет другого выбора, кроме как идти до конца».

— Ты уверена, что все и вправду в порядке? Может, герцог ошибся?

Розали очень беспокоилась о дочери.

«Я беспокоюсь, что она будет жить в чужом доме, но еще больше меня тревожит, не сделает ли дочь что-нибудь глупое ради роскоши. Глядя на то, как она ведет себя сейчас, я едва ли могу такое представить, но если вспомнить прежнее поведение Лизель, конечно, это беспокоит».

— Все совсем не так. Я должна помочь Лапелю привыкнуть, что уеду, а он будет жить с герцогом. И я должна получить награду, чтобы выплатить наши долги.

Розали испытала некоторое облегчение, когда услышала о выплате долга. Тем не менее, она все еще беспокоилась.

Пока Лизель беседовала с матерью, барон молча стоял, понуро опустив голову.

На его лице были заметны следы вины. Он сжал руки.

— Мне очень жаль. Все это случилось из-за твоего бесполезного отца...

Это были первые слова, которые пробормотал барон, так долго молчавший. Веразель подняла другую руку и положила ее на ладонь отца.

— Папа. Все и вправду хорошо. Это я сделала, так что дай мне шанс все исправить самой.

— Лизель, дочь моя, ты так изменилась...

Глаза барона покраснели, когда он взглянул на Лизель, словно вместо нее увидел задумчивого ангела.

— А, да. Я теперь совсем взрослая, ха-ха!

Слова барона смутили Лизель, и она начала шуметь.

Если вспомнить, что девушка была известна пристрастием к роскоши и тщеславию, ее неожиданная забота о чужом ребенке действительно казалась странной и чуждой.

Она решила быть осторожнее.

— Да, я понимаю. Если тебя заставят что-нибудь делать из-за этого долга, сразу возвращайся.

— Хорошо. Не беспокойся обо мне.

— Если тебе придется тяжело, возвращайся в любое время.

Лизель улыбнулась. Подбородок ее отца дрожал, а его губы были стиснуты, словно он сдерживал слезы.

— Я вернусь.

Мать стояла позади нее, как и поникший отец. Веразель забралась в карету.

Она взяла с собой багаж, поскольку собиралась оставаться в доме герцога целый месяц. Когда девушка обернулась, отец вытирал уголки глаз платочком. Кажется, он все-таки заплакал.

«Я же не замуж выхожу, а уезжаю только на месяц».

Когда Лизель покинула резиденцию барона, постаралась задуть неприятные ощущения в сердце.

Солнце уже встало, началось утро.

«Ну, Веразель, тебя действительно любят».

Это было ее единственной мыслью при виде родителей. Она знала, как сложно показывать любовь, не ожидая за это никакой награды. Это было сложно, даже если речь шла об отношении к детям.

Она снова осознала, что родители Веразель были и вправду милыми людьми. И в каком-то смысле она скучала по своим настоящим родителям.

«У меня даже не осталось фотографий. Я не смогу больше вспомнить их лица».

«Встал ли Лапель?» — вспомнив о Лапеле, она стала еще мрачнее.

Когда бы ей ни вспоминались настоящие родители, на ум тут же приходил Лапель. Ведь мальчика будет воспитывать дядя, а не родные мама и папа.

Рапелион, у которого не было родителей, что могли бы заключить его в теплые объятия... Возможно, для него эта ситуация была знакома. Однако в сердце есть место, которое могли заполнить только мама и папа. Так что неважно, как хорошо дядя Честер обращался бы с Лапелем — он не сможет заменить мальчику родителей.

«В точности как и я».

Она не могла пройти мимо ребенка, оставшегося одиноким, как и она сама. Непонятно, была ли причина в этом или же в том, что Лапель покорила ее с самого начала. Когда она увидела эти тонкие слабые ручки, услышала голос, отчаянно зовущий маму и папу, ей показалось, что она видит и слышит саму себя.

— Как только вернусь, обниму тебя крепко-крепко.

Если бы она смогла заменить ему любовь родителей хотя бы на миг...

Лизель отправилась прямо в дом герцога, поклявшись стараться ради Лапеля изо всех сил.

Несмотря на то что ее родители и Лапель очень хотели увидеться, она уехала рано, потому что помнила, каким стало лицо Честера, настаивавшего, чтобы ребенок остался у него.

«Уверена, если бы я и Лапель поехали домой вместе, он бы стал возражать и сказал бы что-то вроде: «Как я могу его отпустить, если он может не вернуться?». Это очевидно, даже если я этого и не вижу», — лицо Веразель исказилось. Она совсем не хотела думать об этом ничтожном человеке.

С другой стороны, будить мальчика еще рано. Лучи рассвета постепенно проникали сквозь маленькое окно.

«Может быть, к тому времени, когда я приеду, Лапель уже проснется. Я должна поспешить. Ах...».

Лизель зевнула и оперлась на сиденье. Она отправилась в путь еще до заката, а поднялась еще раньше и теперь испытывала легкую усталость. Ее веки отяжелели. Она ехала в карете, предоставленной герцогом, оборудованной всеми удобствами. Тишина, мягкие подушки на сиденьях, никаких беспокойств и чувство уверенности — все это как нельзя лучше помогало уснуть.

И тут ее усталые веки окончательно сомкнулись.

— Подождите минутку!

Лизель распахнула глаза и выпрямилась. Она закричала, и карета без тряски остановилась.

Она быстро открыла дверцу и выглянула наружу.

— Я поеду обратно.

— Да.

— Хорошо.

Она отправилась на рынок.

«Здесь, должно быть, есть что-нибудь похожее на звезду — где-нибудь в лавках со всякой всячиной. Рынок так гудит, потому что ему уже пришло время открываться».

Веразель медленно осматривала палатки и прилавки. Там было множество красивых и милых товаров — как раз таких, что нравились Лапелю.

«Ну, если здесь окажется что-то вроде звезды, это было бы очень мило».

Лизель задумчиво рассматривала товары. Здесь оказалось намного большее количество вещей в форме звезды, чем можно было бы ожидать — начиная от маленьких часиков и заканчивая брелками, браслетами и ожерельями.

«Тут есть даже тарелки в форме звезд. Разве он сможет нормально поесть, если я положу ему морковку на такую тарелку?».

Когда она представила, как Лапель с удовольствием грызет морковку, ей вспомнился милый кролик. Веразель улыбнулась, купила тарелку, и затем подошла к хозяину магазина.

Внезапно ее взор, прочесывавший полки с товарами в поисках чего-нибудь еще, что можно было бы купить, застыл.

Снежный шар, посередине которого была большая блестящая желтая звезда, стоял на одной из полок.

Вот оно. Именно то, что ей по душе.

Лизель быстро протянула руку и попыталась схватить снежный шар.

Но вдруг к нему потянулась и другая рука. Они схватили шар одновременно.

Веразель посмотрела на владельца большой руки, которая сейчас накрывала ее ладонь.

«Ох».

— И почему вы так смотрите? — сузив глаза, с неудовольствием взглянул на нее Честер.